

ТЕМА СМЕРТИ В ДРАМАТУРГИИ Л.Н. ТОЛСТОГО (К ПРОБЛЕМЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ)

Тема смерти получает особенную интерпретацию в позднем творчестве писателя. Так, в драматургии (например, "Живой труп" (1900), "Власть тьмы" (1887)) можно выделить три основных типа истолкования факта смерти: смерть-иллюзия, смерть-трагедия и насильственная смерть. Таким образом, Л.Н. Толстым осознаётся драматизм человеческого бытия, состоящий в противоречии между неотвратимостью смерти и присущей человеку жаждой бессмертия.

Ключевые слова: теория, пьесы, драматургия, смерть, душа, Бог, исповедь.

THE SUBJECT OF DEATH IN TOLSTOY'S DRAMA (TO THE PROBLEM OF ONTOLOGICAL POETICS)

The theme of death gets particular interpretation in the writer's later works. Thus, in drama (for example, "Alive corpse" (1900), "Power of darkness" (1887)) it is possible to distinguish three main types of interpretations to the fact of death: death-illusion; death-tragedy; violent death. In this way, Tolstoy realized the dramatic effect of human existence, which is contradiction between inevitability of death and the thirst for immortality inherent in the person.

Key words: theory, plays, dramatic art, death, soul, God, confession.

Проблемы отношения искусства к действительности, духовного к вещественному особенно остро отражаются в творчестве Л.Н. Толстого последних лет. Конкретизируя данную мысль, писатель уподобляет видимую телесную жизнь "лесам для постройки знания". "Леса сами по себе нужны только до тех пор, пока происходит строительство. Когда же здание закончено, они не нужны и их снимают. То же и с нашей телесной жизнью. Она нужна только для постройки здания духовной жизни" [10, с. 95]

В целом толстовская программа воплощения заповеди непротivления, созданная в последние десятилетия его жизни, содержит в себе следующие моменты: 1) самосовершенствование как стержневой принцип претворения непротivления идеи в жизнь; 2) борьба с грехами, соблазнами и суевериями; 3) пробуждение "усилия сознания", ведущее к самоотречению, смирению; 4) изменение и формирование общественного мнения, соответствующего новому жизнепониманию [8].

Само слово "непротivление" является точным переводом на русский язык греческого термина, которым в Евангелии от Матфея передается заповедь Христа "не противься (злему)".

Принципы непротivления заключаются в необходимости единства ненасильственной и непротivленческой позиций, единства неповиновения (неучастия, неделания) и нравственного совершенствования. В этой связи центральным моментом всей философии непротivления Толстого явилась проблема источника и критерия духовного опыта, призванного связать фундаментальные принципы учения с жизнью.

В своей критике толстовства И.А. Ильин высказывает мысль, что учение о непротivлении злу насилем "всецело покоится на недостаточном, неверном духовном опыте - чисто личном, предметно непроверенном, философски незрелом" [5, с. 17].

В результате вся глубина и целостность восприятия взаимосвязи добра и зла сводится у Толстого к "живому чувству жалостливого сострадания", именуемого "любовью" и "совес-

тью", а также к принципам эгоцентризма и субъективизма, ограничивающим сферу реальности добра и зла индивидуальной добротой и индивидуальной порочностью. Ильин отмечает, в частности, что Толстой не смог воспринять, пережить и выразить в своем учении такие свойства, как единство, агрессивность, лукавство и многообразие.

А. Скабичевский в статье "Граф Л.Н. Толстой как художник и мыслитель" утверждал, что художник <...> презрел мыслителя, возмутился против него, пошёл своей дорогой, уничтожил все те перегородки, которые поставил мыслитель". [3, с. 90-91].

В связи с затронутой нами темой, обращает на себя внимание книга А.А. Исаева "Граф Л.Н. Толстой как мыслитель", где утверждается, что Толстой "лишён свойств истинного мыслителя"; мысли его поверхностны, на них лежит печать поспешности... Он высказал по многим вопросам частной и общественной жизни то, что известно литератору давно, иногда он облёк это в яркие формы, но, большей частью, лишь напомнил с бесчисленными длиннотами и повторениями. Ему лично принадлежат тёмные мысли; нередко они отличаются сомнительными достоинствами" [6, с. 230].

В свою очередь русские религиозно-философские мыслители: Н.Бердяев, С. Булгаков, С. Франк, - своеобразно критикуя Толстого, выражали неудовлетворение "слабостью его религии, несостоятельностью её основ. В предисловии к сборнику "О религии Льва Толстого" говорилось: "В его отталкивании от христианства, в глухоте к зову выражается религиозная ограниченность Толстого и его противление Христу, печать духа антихристианского, но в его живом богоощущении и выражается его подлинное религиозное призвание" [5, с. 2]. Бердяев писал: "Он - гениальный художник и гениальная личность, но он <...> не даровитый мыслитель". [1, с. 175].

Определяющим признаком религиозно-философской системы Толстого является выбор базовых, ключевых понятий (категорий), максимально выражающих целостный процесс жизни в его внутреннем (духовном) и внешнем (природном) измерениях. В окончательном варианте системы Толстой останавливается на таких категориях, как "вера", "душа", "Бог", "любовь", "грехи", "соблазны", "зло", "благо", "самоотречение", "смирение", "правдивость", "жизнь", "смерть" и др.

Отрицание насилия означает отказ от ориентации человека на личное благо. Принцип непротivления выражает при этом ту грань, которая отделяет телесную жизнь от духовной жизни, намечает переход от вещного к духовному бытию. "Сущность всех религиозных учений, - подчеркивает Толстой, - в любви. Особенность христианского учения о любви - в том, что оно ясно и точно определило главное условие любви, нарушение которого уничтожает саму возможность любви. Условие это есть непротivление злу насилием" [10, с. 214].

В той мере, в какой обоснованием принципа любви является принцип непротivления злу насилием, главным условием последнего в свою очередь является принцип неделания, ибо не противиться злему может только тот, кто не способен делать зло другим. По мнению Толстого, для того, чтобы не делать зла, нужна более сильная воля, "чем для делания самой трудной вещи, которую мы считаем добром". На почве принципа неделания вырастает своего рода "золотое правило" христианской этики Толстого: "Только не делай того, чего не должно делать, и ты сделаешь все то, что должно" [11, с. 292].

Драматические замыслы возникают у Толстого ещё в 1850-е годы. До того, как вышла его пьеса "Власть тьмы, или "Коготок увяз, всей птичке пропасть"" (1887), Толстой накапливал и развивал элементы драматического в прозе. Исследователи давно обратили внимание на использование писателем драматургических принципов в создании характеров и в композиции романов. Например, Б.М. Эйхенбаум находил, что движение сюжета у Толстого происходит без особого вмешательства авторского "я", силою самой жизненной и исторической логики и правды [16, с. 81]. В свою очередь П.П. Громов доказывает, что в "Детстве" таится "некий сильно драматический сюжет" [4, с. 107]. Существенно для Толстого как будущего драматурга то, что "обнаружение "коренного" в человеке" "он оставляет наиболее серьёзными катастрофическими обстоятельствами" [9, с.155]. Одновременное сосуществование в герое противоречивых начал, непрекращающаяся борьба этих начал - всё это предпосылки подлинного драматизма.

Первые драматические опыты не содержали примет собственного стиля. Позднее, в 1870-е годы, Толстой пришёл к важному для себя выводу: "Русская драматическая литература имеет два образца одного из многих и многих родов драмы: одного, самого мелкого, слабого рода, сатирического, "Горе от ума" и "Ревизор". Остальное огромное поле - не сатира, но поэзии - ещё не тронуто" [15, с. 345].

С точки зрения Л. Н. Толстого, драматизм человеческого бытия состоит в противоречии между неотвратимостью смерти и присущей человеку жажде бессмертия. Воплощением этого противоречия является вопрос о смысле жизни - вопрос, который можно выразить так: есть ли в жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью? Толстой считает, что жизнь человека наполняется смыслом в той мере, в какой он подчиняет ее исполнению воли Бога, а воля Бога дана нам как закон любви, противостоящий закону насилия.

Анализ дневниковых записей и писем показывает, что мысли о смерти, мучившие толстого, и страх смерти, возникающий в результате его размышлений, постепенно сменялись новыми помыслами и убеждениями. Он выходит из состояния душевного кризиса, внутреннего разлада приблизительно к началу 80-х гг., когда начинает снова очень интенсивно работать и когда его философские и литературные взгляды постепенно стали оформляться. Мысли о смерти вызывают уже не страх, а наоборот - особое состояние души, когда "все суетное замирает и яснее говорит душа" [15, с. 107].

Однако для Толстого жизнь не просто устойчивое состояние какой-то части материи, ограниченной пространством и временем за счёт обмена веществом и энергией с окружающей средой. Жизнь интересует его, прежде всего, её аксиологичностью, её смысловым содержанием. Без человека жизнь в материи не имеет смысла, так как лишена своей идеальной сущности. Однако дух жизни, проявляющийся в человеке через разумное стремление к Богу, есть то непрекращающееся движение, которое освобождает его из границ животности и направляет через страдания к слиянию с вечностью, то есть с Вселенной.

Обобщая вышесказанное, можно выделить три основных типа отношения к факту смерти в драматургии Л.Н. Толстого:

1) Смерть - иллюзия, она приравнивается к "сновидению". Смерть может быть приравнена и к жизни, но при этом она опутана мишурой житейских ненужных мелочей или бесполезных прихотей: "А завтра что? Всё буду я-я, а она-она. Нет (*подходит к столу и пьёт*). Зуб лучше сразу выдернуть. Я ведь говорил, что если я опять не сдержу слова, то чтобы она бросила меня. Я не сдержал, и конечно" [13, с. 26].

2) Смерть - трагедия. В этом случае на первый план выступают индивидуальность и, как следствие, экзистенциальная разобщенность с миром. Столкновение с мыслью о смерти и порождает трагедию обособленной (частной) личности, вынужденной противостоять ей в одиночестве и понимающей свою обреченность в этой борьбе. Протасов в драме "Живой труп" утверждал: "Да не в том дело, то есть не то, что не в том дело, а главное дело в том, что я-то не могу. Знаешь, толстую бумагу перегибай так и этак. И сто раз перегибёшь. Она всё держится, а перегибёшь сто первый раз, и она разойдётся. Так между мной и Лизой. Мне слишком больно смотреть ей в глаза. И ей также - поверь [13, с.38]. "Условия всякой драмы <...> заключаются в том, чтобы действующие лица были, вследствие свойственных их характерам поступков и естественного хода событий, поставлены в такие положения, при которых, находясь в противоречии с окружающим миром, лица эти боролись бы с ним и в этой борьбе выражали бы присущие им свойства" [14, с. 237]. Та же мысль звучит из уст Феди Протасова: "Нечего просить. Я скажу всё, что думаю. (*Письмоводителю*.) А вы пишите. По крайней мере в первый раз будут в протоколе разумные человеческие речи. (*Возвышает голос*.) Живут три человека: я, он, она. Между ними сложные отношения, борьба, о которой вы понятия не имеете. Борьба эта кончается известным положением, которое всё развязывает. Все успокоены. Они счастливы - любят память обо мне. Я в своём падении счастлив тем, что я сделал, что должно, что я негодный, ушёл из жизни, чтобы не мешать тем, кто полон жизни и хороши..." [13, с. 92-93]. "Я не боюсь никого, потому что я труп и со мной ничего не сделаете; нет такого положения, которое было бы хуже моего" [13, с. 93].

В драме "Живой труп" перед нами разворачиваются сложные семейные взаимоотношения, возникает замкнутый круг лжи и лицемерия, единственный выход которого - самоубийство Фёдора Васильевича Протасова: "Должен уничтожиться. Я и уничтожаюсь. Когда вы получите это письмо, меня не будет" [12:34, с.30]. "Сейчас. *(Вынимает пистолет и стреляет себе в сердце. Падаёт. Все бросаются к нему.)* Ничего, кажется хорошо. Лизу..." "Прости меня, что не мог... иначе распутать тебя... Не для тебя... мне этак лучше. Ведь я уж давно... готов..." [13, с. 99].

3) Насильственная смерть становится причиной внутренней душевной драмы человека. Сюжет драмы "Власть тьмы" взят из судебной практики. В пьесе воспроизведена судьба крестьянина Ефрема Колоскова, покаявшегося перед народом в своих преступлениях, его отношения к жене, падчерице. Сопоставляя толстовскую драму с его прозой 1880-х годов, Г.А. Бялый находит, что "первоначальный замысел "Фальшивого купона", "О жизни" и "Власти тьмы" образует единый творческий комплекс, части которого переплетаются и вклиниваются одна в другую. <...> В книге "О жизни" и подготовительных материалах к ней "свет" становится синонимом жизни, а "тьма" - смерти [2, с. 70-71].

В пьесе "Власть тьмы" работник Никита становится убийцей собственного ребёнка: "Что ж это они сделали? Что они со мной сделали? Пищал как... Как захрустит подо мной. Что они со мной сделали! И жив, все, право, жив!" [12, с. 211]. Совершенные убийства тяготят душу Никиты. Он не выдерживает угрызений совести, которые приводят в конце произведения к всенародному признанию: "Окаянный я. Акулина! Виноват я перед тобой. Твой отец не своею смертью помер. Ядом отравили его... Отравил я отца, погубил я, пёс, и дочь. Моя над ней власть была, погубил её и ребёночка" [12, с.242]. Исповедь этого героя можно назвать "исповедью горячего сердца, исполненную покаяния и мольбы о прощении" [6].

Таким образом, "смерть" главных героев в драматургии Л.Н. Толстого позднего периода становится добром, а не злом, и боязнь смерти исчезает в свете этого разумного освещения, ибо смерть - избавительница от горести жизни: "Я мешаю этому, следовательно, я должен уничтожиться..." [13, с.30].

Толстой считает, что одной из главных составляющих взаимоотношения между живыми существами является "свойственное всем людям" чувство жалости и сострадания ко всему живому, находящемуся в том же самом положении, что и человек, и испытывающему те же самые глубинные импульсы жизни и смерти. "Все живое боится мучений, все живое боится смерти; познай самого себя не только в человеке, но и во всяком живом существе, не убивай и не причиняй страдания и смерти. Все живое хочет того же, что и ты; пойми же самого себя во всяком живом существе" [11, с. 36].

"Тело – это стены, ограничивающие дух и мешающие ему быть свободным. Дух, не переставая, старается раздвинуть эти стены, и вся жизнь разумного человека состоит в раздвижении этих стен, в освобождении духа от плена тела. Смерть совсем освобождает. И поэтому смерть не только не страшна, но радостна для человека, живущего истинной жизнью" [11, с. 452].

В конце жизни писатель приходит к формированию собственного закона истинной веры, который заключался в гармоничном переходе человека из земного бытия в состояние смерти, возможным, если правильная земная жизнь будет залогом дальнейшего успокоения духа.

Отсюда, в творчестве Толстого проблема смерти ставится чрезвычайно остро. Главный для него вопрос о смысле бытия неизбежно соотносился с проблемой жизни и смерти. Сложная и противоречивая натура писателя обусловила самобытность его подхода к этой проблеме, что опосредованно отразилось в поэтике поздней драматургии.

Литература

1. Бердяев Н.А. Ветхий и Новый завет в религиозном сознании Л.Толстого. Сборник второй. О религии Льва Толстого. М., 1912.
2. Бялый Г.А. Русский реализм конца XX века. Л., 1973.
3. Граф Л.Н. Толстой как художник и мыслитель. Критические очерки и заметки А.Скабичевского. СПб., 1887.
4. Громов П. О стиле Льва Толстого: Становление "диалектики души". Л, 1971.
5. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. В 2-х т. Т.1. М., 1993.
6. Исаев А.А.Граф Л.Н. Толстой. СПб., 1911.
7. Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека: К антропологии Ф.М. Достоевского. М., 2001.
8. Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. М., 2006.
9. Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей. М., 1973.
10. Толстой Л.Н. Круг чтения. М., 1991. Т.1.
11. Толстой Л.Н. Путь жизни. М., 1993.
12. Толстой Л.Н.Собрание сочинений. В 90 т., Т.26. М., 2006.
13. Толстой Л.Н.Собрание сочинений. В 90 т. Т.34. М., 2006.
14. Толстой Л.Н.Собрание сочинений. В 90 т. Т.35. М., 2006.
- 15.Толстой Л.Н.Собрание сочинений. В 90 т. Т.48. М., 2006.
- 16.Эйхенбаум Б.М. О прозе: Творческие стимулы Л. Толстого. Л., 1969.